

РАЗДЕЛ I. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

ББК 83.3
УДК 8.82.02/.09

Д. Вальчак¹
Варшавский университет
dorota.walczak1990@gmail.com

Е. В. Никольский²
Карпатский университет имени Августина Волошина
eugenius-09@ukr.net

«МАЛЕНЬКИЙ ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК», ИЛИ ТИП «ЛИШНЕГО РЕБЕНКА» В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

Так называемый «лишний человек», наряду с «героем времени», является одним из распространенных и узнаваемых типов персонажей в русской литературе XIX, XX и XXI века. К характерным чертам данного типажа относятся излишняя впечатлительность, ранимость, завышенные требования к себе и другим, но – что нам кажется самым главным – «лишний человек» не способен строить правильные межличностные отношения.

По мнению авторов статьи, по отношению к литературе, начиная с XIX столетия и вплоть до наших дней, позволительно говорить не только о «большом» «лишнем человеке», но и о «маленьком», то есть о литературном типаже «лишнего ребенка», не понятого и не принятого или родителями, или сверстниками, или ни теми, ни другими. Такой герой крайне одинок в мире, у него нет никакой точки опоры, он начисто лишен помощи взрослых, а из-за его детской слабости любой может его обидеть или использовать. Необходимо заметить, что термин «лишний ребенок» для обозначения отвергнутого родителями и / или сверстниками

---

¹ Вальчак Дорота, аспирант исторического факультета, магистр исторических наук, Варшавский университет, г. Варшава, Республика Польша.

² Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr. hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина

ребенка уже давно используется в общественных науках, в частности в психологии, в педагогике и в социологии.

Авторы настоящей статьи предприняли новаторскую попытку указать истоки и эволюцию типажа лишнего ребенка в двух очень близких себе литературах – русской и польской, указывая как на общие моменты, так и на некоторые различия в развитии данного типажа, обусловленные политико-социальными и культурными причинами. В работе рассматриваются произведения таких авторов, как Ф. М. Достоевский, В. В. Крестовский, Вс. С. Соловьев, Б. Прус, Г. Сенкевич, А. С. Макаренко, М. Горький, Я. Корчак, З. Налковская, Э. Низюрский, П. В. Санаев и др.

Ключевые слова: лишний человек, лишний ребенок, русская литература, польская литература, литературный типаж, проблемы социализации

Так называемый «лишний человек», наряду с «героем времени», является одним из более распространенных и узнаваемых типов персонажей в русской литературе XIX, XX и XXI века. К характерным чертам данного типажа относятся излишняя впечатлительность, ранимость, завышенные требования к себе и другим, но, что нам кажется самым главным, «лишний человек» не способен строить правильные межличностные отношения. Другие люди, общество не в состоянии понять и оценить лишнего человека, а он, в свою очередь, отвергает общество и его установки. Тип «лишнего человека», вышедший из литературы раннего романтизма («Страдания юного Вертера» Гете, творчество Байрона), получает развитие не только в русской, но и в польской [9], турецкой [11], китайской [10] и во многих других литературах.

На наш взгляд, по отношению к литературе, начиная с XIX столетия и вплоть до наших дней, позволительно говорить не только о «большом» «лишнем человеке», но и о «маленьком», то есть о литературном типаже «лишнего ребенка», не понятого и не принятого или родителями, или сверстниками, или ни теми, ни другими. Такой герой крайне одинок в мире, у него нет никакой точки опоры, он начисто лишен помощи взрослых, а из-за его детской слабости любой может его обидеть или использовать. Необходимо заметить, что термин «лишний ребенок» для обозначения отвергнутого родителями и / или сверстниками ребенка уже давно используется в общественных науках, в частности в психологии [24], педагогике [25] и в социологии, была также единичная попытка ввести

определение «лишний ребенок» (анг. *Superfluous Child*) в англоязычной филологической науке [16], но в русском литературоведении как название определенного литературного типажа он употребляется нами впервые. Если в общественных науках таким «лишним ребенком» считается случайный ребенок, рожденный вне брака, нежеланный и своим рождением помешавший собственным родителям построить карьеру, закончить обучение и т. д., таким образом проблема рассматривается прежде всего с позиции перспективы института семьи и общества, то в литературных воплощениях данного типажа внимание фокусируется на внутреннем мире и переживаниях самого «лишнего ребенка».

Целью настоящей статьи является показать главные истоки и эволюцию типа «лишнего ребенка» в двух близких литературах – русской и польской, указывая как на общие моменты, так и на некоторые различия в развитии данного типажа, обусловленные политико-социальными и культурными причинами.

Интерес к ребенку так таковому, к его личности и психике появляется в европейском обществе довольно поздно, примерно в начале XVIII века. Раньше детям уделялось относительно мало внимания. Из-за высокой детской смертности ребенок начинал интересовать родителей как человек, если ему удалось дожить до подросткового возраста. Крайне жестоким было также отношение общества к ненужным им детям – общественностью отчуждался любой «лишний» ребенок, то есть ребенок, рожденный вне брака, или сирота. Нередки были случаи детоубийства. Данный период закончился примерно в начале XVIII столетия, когда сохранение жизни любого ребенка определяло многочисленность армии, то есть обретало стратегическое значение. Это во многом предопределило государственную позицию в отношении «лишних» детей. Во всей Европе начали открываться детские приюты для брошенных родителями детей. В России новая политика по отношению к «лишним детям» была введена указами царя Петра I. Согласно воле императора, началась борьба с детоубийством, открывались «дома призрения», куда «лишний» ребенок приносился тайно. Следующий шаг в этом направлении был сделан Екатериной II, по приказу которой во всех губерниях открывались детские дома для сирот.

Если мы хотим искать истоки типажа «лишнего ребенка», нам необходимо обратиться вовсе не к русской, а к английской литературе, к творчеству Чарльза Диккенса (1812–1870). Именно Диккенс в своих романах «Приключения Оливера Твиста» (1837–1839), «Николас Никльби» (1838–1839), «Дэвид Копперфильд» (1839–

1850) впервые сумел показать в литературе жизнь лишнего, никем не любимого ребенка, до которого нет дела ни его близким, ни обществу, ни правительству. Целью критики автора становятся и патологические отношения в детских приютах, и школы, больше напоминающие тюрьмы, и эксплуатация детского труда. Важно напомнить, что, несмотря на весь психологизм автора, «ненужность» детских героев Диккенса проявляется практически на одном лишь социально-экономическом уровне и обуславливается внешними, а не внутренними факторами: ребенок «лишний», потому что родился вне брака, осиротел, его родители по разным причинам не в состоянии были его воспитывать или содержать и т. д.

Похожий на диккенсовский образ «лишнего ребенка» был создан и датским писателем Хансом Христианом Андерсеном (1805–1875) в его многочисленных произведениях, в особенности в сказках «Гадкий утенок» (1843), «Снежная королева» (1844), «Девочка со спичками» (1845). Для русской литературы особенное значение имела «Девочка со спичками», сюжетная линия которой («лишний ребенок» просит у незнакомых милостыню в канун Рождества и, никем не приласканный, замерзает на морозе) была почти дословно повторена Ф. М. Достоевским в его рождественском рассказе «Мальчик у Христа на елке» (1876).

Первым памятником русской литературы, где появляется мотив «лишнего ребенка», можно считать относящееся к концу XI века «Житие преподобного Феодосия Печерского». Согласно житию, преп. Феодосий, лишившийся отца на 14-том году жизни, остался под надзором строгой и властной матери, не понимавшей сына и наказывавшей его за набожность и постоянное стремление к подвижничеству. В данном агиографическом памятнике о родительнице Феодосия говорится, что она жестоко избивала молодого Феодосия, желая тем самым отговорить его от его намерения уйти в монастырь: «И раждьгъшися гневъмъ на нь и съ яростию въставъши [мать Феодосия Печерского – авт.] и растързавъши сорочицу на нь, биючи же и отъя железо от чресель его» [6, 94]. Будущий святой вынужден был тайно покинуть родительский дом, чтобы постричься в монахи в Киево-Печерской Лавре.

Таким же «лишним ребенком» считал сам себя и царь Иван Грозный, в переписке с Андреем Курбским говоривший о своем трудном и безрадостном детстве, проведенном среди борющихся за власть вельмож. «Нас же с единокровным братом моим, в бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков, – пишет Иван Грозный Курбскому. – Тогда

натерпелись мы лишений и в одежде, и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не взглянет – ни как родитель, ни как опекун, и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные бесчестные страдания, перенесенные мною в юности?» [15, 138].

Интересно отметить, что древнерусская литература со свойственной ей художественной лапидарностью показывает важнейший аспект темы «лишнего ребенка» – последствия трудного детства. Ведь исход может быть полярно противоположным, с одной стороны, это (как у Феодосия Печерского) активное служение ближнему, прощение обид (его мать становится монахиней и меняет свой образ жизни); с другой же – злодейство (как в случае с Иваном Грозным, который в траковке князя-эмигранта Андрея Курбского приобретает черты антихриста).

В русской литературе XIX столетия подобный диккенсовскому образ «лишнего ребенка» впервые появляется у Федора Михайловича Достоевского (1820–1881) в его двух ранних произведениях: повести «Неточка Незванова» (1849) и романе «Униженные и оскорбленные» (1861). «Неточка Незванова» – рассказанная от первого лица история девочки, которая оказалась абсолютно лишней как для своих родителей, так и для случайных опекунов. Даже фамилия героини является говорящей («Незванова» от того, что никто ей не звал в этот мир). Отец Неточки скончался, когда ей шел второй год, а мать повторно вышла замуж за очень талантливого, но страдающего непробудным пьянством скрипача Егора Ефимова. Занятая тем, чтобы обеспечить хоть какую-то жизнь дочке и мужу, мать не обращала на девочку внимания, была с ней резка и сурова. Очень существенным кажется факт, что девочка сама понимает свою странность, отличие между собой и другими детьми. «Я не удивляюсь, что среди таких странных людей, как отец и мать, я сделалась таким странным, фантастическим ребенком», – говорит она о себе [2, 162]. Немного внимания и участия оказывал ребенку отчим, который, правда, строил перед Неточкой картину их совместной, счастливой жизни после смерти матери, но именно он уговорил девочку украсть у родительницы деньги. Неточка, испытывавшая к отчиму не совсем детские чувства, забрала у матери деньги, но когда убитая горем мать умерла, отчим отнюдь не забрал с собой девочку, а, сам ужаснувшись смерти жены, убежал из дому, и потом умер от помешательства:

Д. Вальчак, Е. В. Никольский

«Да, да! – закричал он [отчим девочки – авт.] вдруг, встрепенувшись и приподымаясь с тумбы, как будто что-то новое пришло ему в голову, разрешавшее все сомнения его. – Да, Неточка, так нельзя; нужно пойти к маме; ей там холодно! Поди к ней, Неточка, поди; там не темно, там есть свечка; не бойся, позови к ней кого-нибудь и потом приходи ко мне; поди одна, а я тебя здесь подожду... Я ведь никуда не уйду.

Я тотчас же пошла, но едва только взошла на тротуар, как вдруг будто что-то кольнуло меня в сердце... Я обернулась и увидела, что он уже сбежал с другой стороны и бежит от меня, оставив меня одну, покидая меня в эту минуту!» [2; 187].

«Лишний ребенок» был из сострадания взят в дом богатого князя Х., но и тот не смог защитить Неточку, когда его жена пришла к убеждению, что та оказывает плохое влияние на их собственную дочь, Катю. В итоге девочку отдали на воспитание дальней родственнице. Как видим, ненужный родителям «лишний ребенок» у Достоевского передается из рук в руки.

Следующая попытка Достоевского показать судьбу «лишнего ребенка» была им осуществлена лишь через десять лет, в романе «Униженные и оскорбленные». Героиня данного произведения, двенадцатилетняя Нелли (Елена) – полусирота. Ее любимая мать умерла в нищете, законный отец, князь Валковский, никогда не интересовался судьбой дочери, а единственный близкий родственник – родной дедушка, полупомешанный фабрикант Смит, обвиняет внучку в ошибках матери и не хочет ее знать. После смерти родительницы несчастная Нелли попала в руки занимавшейся сутенерством хозяйки дома «мадам Бубновой», и ещё неизвестно, как закончилась бы её история, если бы девочке не помог рассказчик, Иван Петрович, освободивший её от сводни и поместивший у своих давних опекунов, стариков Ихменевых. Ужасная судьба маленькой Нелли помогла Ихменевым принять важное жизненное решение, а именно простить их собственную дочь Наташу, но для самого ребенка судьба не оказалась благосклонной: девочка, хотя была уже окружена любовью и заботой семьи Ихменевых, скончалась от чахотки.

Вследствие всего пережитого, у «лишнего ребенка» – Нелли – сформировался сложный характер, замкнутый и истеричный одновременно. Как говорил о девочке Иван Петрович, «это был характер странный, неровный и пылкий, но подавлявший в себе свои порывы; симпатичный, но замыкавшийся в гордость

и неприступность» [4, 299]. Такой странный характер ребенка и был результатом его жизненных злоключений и жестокосердии взрослых.

Некие черты «лишнего ребенка» встречаются и у «взрослых» персонажей Достоевского, как положительных, так и отрицательных. О главном герое «Идиота» (1868), князе Льве Николаевиче Мышкине, знаем, что он осиротел уже в раннем детстве, а так как страдал падучей болезнью, в петербургском «обществе» считался «полным идиотом», был выслан богатым опекуном Павлищевым на лечение в Швейцарию. Хотя лечение частично помогло, герой и во взрослой жизни чувствовал себя брошенным, отвергнутым, всем чужим, непонятым. Похожий синдром «лишнего ребенка» сформировался и у главной героини романа, Настасьи Филипповны Барашковой. Эта молодая женщина в восемь лет потеряла обоих родителей в пожаре и попала в дом соседа, богатого помещика Тоцкого, который использовал беззащитность девочки и сделал её своей любовницей. Уже во взрослой жизни давешний «лишний ребенок», Настасья Филипповна, винит себя во всем случившемся и не может найти себе места в обществе. В результате Барашкова умирает, убитая влюбленным в нее полоумным Рогожиным, хотя, по правде, её смерть больше похожа на самоубийство (сама убежала к Рогожину, несмотря на то, что опасалась его и считала, что «он её зарежет»).

Идея о том, что «лишний ребенок» может стать злодеем, тоже появляется у Достоевского. Именно таковым был в детстве герой «Бесов» (1872), будущий революционный вожак Петр Степанович Верховенский. Либерал, «гуманист» и «кумир молодежи» Степан Трофимович Верховенский никогда не интересовался судьбой родного сына и оставил его на воспитание дальних родственников. Даже больше: отец подло обокрал сына, продавая деревья из доставшегося ему от покойной матери леса. Похожая ситуация была описана Достоевским и в романе «Братья Карамазовы» (1879–1881), где Федор Карамазов бросил на произвол судьбы трех своих сыновей – Дмитрия, Ивана и Алексея, а первого из них обокрал из материнского наследства.

Тема «лишнего ребенка» наиболее полно и последовательно была развита Достоевским в романе «Подросток» (1875). Там «лишним» оказывается главный герой и рассказчик, девятнадцатилетний Аркадий Макарович Долгорукий. Аркадий является внебрачным сыном богатого помещика Андрея Версилова и замужней крестьянки, Софьи Долгорукой. Так как Версилов считал, что присутствие сына дома стеснит его, ребенок воспитывался в частном пансионе Тушара и с родителями не встречался.

«Я был как выброшенный и чуть не с самого рождения помещен в чужих людях, – говорит о себе двадцатилетний уже Аркадий. – Но тут не было никакого особенного намерения, а просто как-то так почему-то вышло.

Родив меня, мать была еще молода и хороша, а стало быть, нужна ему [Версилу, отцу Аркадия – авт.], а крикун ребенок, разумеется, был всему помехою, особенно в путешествиях. Вот почему и случилось, что до двадцатого года почти не видал моей матери, кроме двух-трех случаев мельком. Произошло не от чувств матери, а от высокомерия к людям Версилова» [3; 14].

Детство героя было беспросветным: в школе незаконнорожденный Аркадий становится жертвой насмешек со стороны учителя и подражающих ему сверстников героя. Домой был вызван только тогда, когда воспротивился воле отца и наотрез отказался поступать в университет. С родителями героя связывают довольно странные отношения: к матери, всегда остававшейся в тени отца, и раз, без ведома Версилова, посетившей его в пансионе, Аркадий испытывает теплые чувства, так как к бросившему его отцу «подросток» чувствует любовь-ненависть: он (совершенно обоснованно) обвиняет родителя в своем ужасном детстве, но одновременно очень желает заслужить его признание и любовь. В «Подростке» Достоевский сделал попытку показать современное себе «случайное семейство», неумолимо ведущие к несчастью рожденных в нем «лишних детей». В ранних редакциях этот роман и назывался «Случайное семейство».

В целом, Достоевский, исходя из диккенсовской традиции, указал в своих произведениях несколько «лишних детей», «ненужность» которых и обуславливается как социальными и общественными условиями (отсутствие государственной системы ухода за сиротами, порицание обществом внебрачных детей), так и жестокостью и крайним эгоизмом их родителей и опекунов (мать и отчим Неточки Незвановой, отец Нелли, князь Валковский, Тоцкий, Степан Трофимович Верховенский, Федор Карамазов, Андрей Версильов).

Странности характера «лишних детей» и их возможные психические отклонения в зрелом возрасте у Достоевского являются лишь следствием зла, вынесенного ими в детстве от взрослых. Писатель, считавший детей существами невинными и ангельски безгрешными, признавал обиду ребенка самым ужасным грехом – неслучайно Николай Ставрогин из романа «Бесы», который изнасиловал двенадцатилетнюю Матрену и тем самым привел

её к самоубийству, – воплощенный антихрист. Ещё один весьма показательный факт: в произведениях Достоевского дети никогда не бывают жестоки сами по себе. Школьные товарищи, дразнившие Аркадия Долгорукого, делали это по наущению учителя, а швейцарские школьники, мучившие брошенную любовником Мари в «Идиоте», делали это, следуя примеру пастора и своих родителей, а когда Мышкин объяснил им, что их поведение жестоко, сразу прекратили свои издевательства и окружили девушку заботой и любовью.

Проблема «лишнего ребенка» не в домашних, а в школьных условиях, в том числе и насилия над ними со стороны сверстников. Этим вопросам коснулся Всеволод Сергеевич Соловьев (1846–1903) в своей повести «Пансион» (1889), которая написана в форме автобиографии героя-рассказчика, мальчика из дворянской семьи, Гаврилы Верегина, помещенного родными в пансион.

Чтобы лучше раскрыть тему, обратимся к фактам из жизни писателя. До двенадцати лет Всеволод Соловьев рос и воспитывался в родительском доме, а затем он пережил свое первое серьезное испытание. Он был отдан на обучение и проживание в одно из лучших тогда в Москве учебных заведений – пансион при реформатской церкви. Но казенное место есть казенное место. И очень скоро воспитание в традициях старомосковской интеллигентской семьи с её теплом и уважением к личности вступило в противоречие с бездушием и холодом пансиона, пусть и самого, как тогда считали, лучшего. Таким он изображен и в повести «Пансион», где в главном герое, Гане Веригине, явно угадываются черты автора. Исповедальное повествование используется Соловьевым не только для обрисовки индивидуальной истории жизни, но и для показа несовершенства мира, разрушения иллюзий; оно является как бы зеркалом, в котором мир видит себя без прикрас.

Воспитатели и учителя пансиона не отличались ни умом, ни нравственным поведением. Они не внушали доверия и уважения воспитанникам и не старались завоевать среди них авторитет, научить их чему-то или воспитать в них высокие моральные качества. Учителя своих пансионеры в большинстве не любили. Исключением был учитель истории Иванов, отличавшийся человечностью, добрым сердцем, любовью к своему предмету, которую он сумел передать воспитанникам.

Результаты антипедагогического процесса не могли заставить себя ждать. Несмотря на злость (деспотичность) некоторых надзирателей и постоянные наказания (преимущественно отказом

Д. Вальчак, Е. В. Никольский

от обеда или ужина), распушенность пансионеров была необыкновенна. С утра и до вечера мальчики ругались самым отвратительным способом. Даже не разговаривали, а обменивались «...между собой <...> извозчичьими словами». Лингвистическое творчество в области бранной и ненормативной лексики стало увлечением не только воспитанников, но и наставников. Так, например, педагог-англичанин, мистер Джибсон, с полным сознанием своей талантливости «...изощрялся над выдумыванием самых невероятных, никогда не слышанных гадких слов. Это бы, своего рода, шик» [22, 309].

Родители и слуги редко навещали Ганю, и его жалобы на то, что в этом учреждении ненормальные порядки, всерьез не воспринимали. Всеми забытый, ставший одиноким мальчик знакомится с новым своим жилищем и в течение полутора месяцев так привыкает к нему, что и коричневые стены, и плац, и узкие, темные коридоры становятся как бы частью его самого. Герой быстро убеждается, что в пансионе всё решает сила – старшие ученики издеваются над младшими, процветают надругательство и избиение слабых.

В повести «Пансион» Ганя Веригин проходит болезненный путь социализации. Из радостной жизни в хлебосольном барском доме он попадает в закрытое учреждение, где все перевернуто на 180 градусов, где господствуют иные «ценности», если их вообще можно назвать ценностями: право сильного, хамство, грубость, жестокость. Отсутствие систематического образования – другая особенность пансиона. Более того, в произведении представлены две галереи отрицательных образов: бездарных педагогов и грубых воспитанников. Итогом пребывания главного героя в закрытом заведении становится не только закалка характера, приобретение социально-психологического опыта, но и то, что барчук начинает дорожить тем, что ему казалось простым и естественным: отчим домом, заботой родных и слуг. У главного героя происходит изменение ценностей.

Мотив лишнего ребенка в условиях школы, в конфронтации с жестокими школьными товарищами с разной силой проявляется и в других произведениях, написанных в жанре романа воспитания, – в автобиографических «Очерках бурсы» (1862–1863) Н. Г. Помяловского и в «Гимназистах» (1896) Н. Г. Гарина-Михайловского.

Так, Николаем Герасимовичем Помяловским (1835–1863), автором произведений в прозе («Мещанское счастье», «Молотов», «Брат и сестра» и т. д.) о средних образовательных учреждениях

написаны художественные очерки, произведения, более тяготеющие к публицистике, нежели к собственно художественной литературе. Его «Очерки бурсы» изобилуют многочисленными описаниями грубого быта и жестоких нравов. Часто наблюдается «перескок» в повествовании: от начавшейся было бытовой сценки к общему описанию быта и морализаторству. Например, в очерке «Женихи Бурсы» вначале описывается то, как Аксютка доигрался с Лобовым до скверной шутки. Затем идет описание развлечений, потом уже сообщается о прибытии в училище двух женщин (невесты и её матери), затем – вновь бытовая сценка, а чуть позже – только обобщающее сообщение о том, как устраиваются браки и что из этого выходит. Иными словами, здесь отсутствует типичная для художественного произведения сюжетная завершенность.

У Николая Георгиевича Гарина-Михайловского (1852–1906) мы наблюдаем противоположную тенденцию: его повести отличаются четко выстроенным и законченным сюжетом. Правда, и тут встречаются описания быта и нравов, но они значительно короче и их художественная нагрузка не столь значительна, так как стержневая идея произведения – развитие личности главного героя – Темы Карташева и его друзей. Н. Г. Гарин-Михайловский делает акцент именно на психологических аспектах, проводя героя через нравственные испытания, падения и раскаяния, акцентируя внимание на его психологических состояниях.

Помяловский, наоборот, акцентируется на бытовом плане: он описывает жилищные условия, лазарет, столовую, подробно изображает также и телесные наказания и т. п.; если психологическое начало и просматривается, то автор показывает не развитие героя, а, наоборот, его умственную и нравственную деградацию. В первых очерках главный герой – Гороблагодатский, в других появляются иные персонажи, поочередно попадающие в эпицентр внимания автора и читателя. В последнем очерке главным героем является некто Карась, персонаж, названный не по имени, а по прозвищу.

Реалистическое описание бурсы и гимназии присутствует в произведениях обоих авторов. Однако отношение к описываемому разное. Помяловский проявляет склонность к обличительному, сатирическому пафосу. Впрочем, именно таковы его задачи – обличить и осмеять, уничтожить словом «ненавистную бурсу» (которую он считал виновницей его несложившейся жизни), а заодно и всю систему среднего образования в России. Атмосфера произведения удручающая. Показывая бездарных и несведущих педагогов, не обладающих элементарными представлениями о гуманизме

и человеколюбии, изображая деградацию молодого населения, автор сгущает краски. Основу произведения составляет изображение жестоких игр и забав, доносительства и рабской покорности, моральных и физических экзекуций, а также порочных склонностей во всем их мерзком разнообразии.

Это уже не полемика с системой образования и воспитания, это ее осуждение и порицание. Н. Г. Помяловский не предлагает никаких советов по реформированию и изменению, он ратует за гуманизм, но это глас вопиющего в пустыне.

Отметим, что эмоциональный настрой повести Гарина-Михайловского оптимистичен и радостен; здесь показывается формирование юношеской души, если Тему и подстерегают горести, то «печаль его светла».

В отличие от Помяловского, писатель не критикует, а полемизирует со сложившейся системой образования и воспитания. В «Гимназистах» директор гимназии озвучивает консервативные идеи, а мать Темы, Аглаида Васильевна, выступает за гуманизацию образовательного процесса. В их диалоге сталкиваются два взгляда на воспитание, два разных понимания педагогических принципов. Аглаида Васильевна добивается беспрекословного признания основных общих правил, созданных не для одного, а для всех. Для директора же основное – сплотить всю массу учеников в нечто такое, с чем можно было бы совладать, не более для того.

В повестях «Детство Темы» и особенно «Гимназисты» мы воочию видим плоды воспитания такого рода, проявляющиеся в неоправданной и необузданной детской жестокости как друг к другу, так и к учителям, в убогости внутреннего развития и бедности интересов определенной части детей.

О тех же проблемах, только с большей жесткостью, писал и Помяловский. Но Гарин-Михайловский размышляет и о положительных сторонах педагогического процесса. Так, например, в главах «Журнал» и «Гимназия» он говорит о том, что гимназисты неплохо владеют научной терминологией (типический, физический, патологический), знакомы с новинками литературы (так, они подражают сборнику 1848 года «Физиология Петербурга»), читают серьезную литературу (в круге их чтения произведения Писарева, Писемского), у них формируется критическое мышление (это подтверждает, например, диалог Темы с матерью), они прекрасно знают древние и новые языки. При чтении этих глав создается впечатление, что гимназисты XIX века гораздо образованнее и начитаннее некоторых современных студентов.

В своих произведениях авторы по-разному создают образы своих героев. У Помяловского герои отличаются однобокостью, прямолинейностью, за исключением наиболее детально разработанных Карася и Семенова. Скорее это обусловлено задачей писателя воплотить основную мысль об «уродующей бурсе». В отличие от него Гарин-Михайловский создал замечательные, полнокровные образы, среди которых Тема Карташев и Аглаида Васильевна, образованная и умная женщина, истинная аристократка и любящая мать, она несет в себе любовь к сыну, идеалы добра и стремления жить по-христиански, хотя это не всегда получается. Именно она формулирует и озвучивает гуманистические идеи в области воспитания и образования, за которые ратует и автор. Таким образом, можно сказать, что Аглаида Васильевна является авторским резонером.

Итогом пребывания протагонистов Соловьёва, Помяловского и Гарина-Михайловского в учебных заведениях становится не только закалка их характеров, приобретение ими социально-психологического опыта, но и то, что барчуки начинают дорожить тем, что им казалось простым и естественным: отчим домом, заботой родных и слуг. У Гани и Темы происходит изменение ценностей.

В «Очерках бурсы» [17] Н. Г. Помяловский ставил совсем иные задачи. Важный вывод из этой книги можно сформулировать так: конечно, выработка праведных качеств очень важна, но не менее важно не сломить характер и более того не воспитать порок репрессивными методами, что используются в бурсе и описаны в очерках (постоянный контроль, необъективные упрёки, физические наказания, издевательство). Бесспорно, талантливые очерки освещали один скромный, но очень темный уголок русской жизни, который не был объективно изображен в литературе. Страшен не столько сам факт наличия того ужасного, что описывается Помяловским, сколько то, что все это происходит в училище, готовящем будущих духовных лиц. В Петербурге – центре культурной жизни – существовала известная до сих пор лишь по добродушному описанию Гоголя и Нарезного бурса, и в ней творились дела, поражавшие своей бесцельной и бесчеловечной жестокостью. Произведение Н. Г. Помяловского смело можно назвать «антипедагогической поэмой» и романом антивоспитания.

Исход для «лишних детей» у Вс. С. Соловьёва и Н. Г. Гарина-Михайловского был положительным: их герои «отогрелись» в отчем доме и впоследствии активно себя реализовали в жизни. У Н. Г. Помяловского протагонист не становится злодеем, но до конца жизни не может справиться с психологическими травмами, страдает

от алкоголизма. То есть из «лишнего ребенка» он превращается в классического «лишнего человека».

Очень интересен мотив коронованного «лишнего ребенка», мы встречаем его в историческом романе Вс. С. Соловьева «Юный император» (1877). Писатель рассказывает историю Петра Второго, сына царевича Алексея и внука царя Петра Великого, который в 11 лет вступил на престол. Царственный «лишний ребенок» совершенно одинок. Тетка, будущая императрица Елизавета Петровна, была единственно близким ему человеком, но не уделяла ему достаточного внимания. В разговоре с нею Петр II произносит фразы, совершенно несвойственные его возрасту: «... никуда меня не тянет, Лиза, и жизнь мне уже надоела. Право, все меня совершенно, умереть лучше, чем так жить, как я живу. Прежде, недавно еще, было много радостей, всё меня забавляло, все меня веселило... Кого люблю я, тот меня не любит, кого не люблю – тот всегда со мной... Лиза, ты мало знаешь: не был я человеком, да и никогда не буду. Ну, посмотри на меня хорошенько, – разве не старик я теперь! Как есть старик старый, расслабленный. И знаешь ли, как у стариков всё все светлое, все хорошее далеко позади осталось, и живут они в нем, вспоминая. Так и у меня: все, что мило и дорого – далеко» [23, 125]. Нельзя не отметить неестественность таких суждений для 14-летнего мальчика.

Вс. Соловьев показывает, что царственный отрок, по существу, стал разменной монетой в большой политической игре за власть. Болезнь Петра – он заболел оспой, как впоследствии оказалось, смертельно – прогрессировала, а барон фон Остерман уже просчитывал будущие политические ходы в империи. В поле его зрения попала Анна Иоанновна, дочь покойного царя Иоанна V, сводного брата и соправителя Петра I до 1696 года. Начался новый этап политический борьбы в России. У постели смертельно больного Петра II завязалась жестокая борьба за власть, за русский трон.

Кроме Достоевского и Вс. Соловьева, тему «лишнего ребенка» разрабатывал и Всеволод Владимирович Крестовский (1839–1895) в своем известном романе «Петербургские трущобы» (1866). Всё действие этого произведения разворачивается вокруг княжеской семьи Шадурских, не считавшихся ни с кем на пути к развлечениям и утолению своих страстей. Князь Шадурский соблазнил молодую княжну Анну Чечевинскую, родившую от него незаконного ребенка, девочку Машу, тогда как его жена родила сына Ивана от Морденко, управляющего имением, с которым у неё был роман. Оба Шадурские – муж и жена – почти одновременно «пускают с рук» своих незаконных детей. Подброшенная в дом отца Маша посредством хитрой

интриганки Амальи фон Шпильтце передается на воспитание чужим людям, Ивана забирает к себе Морденко, после увольнения с должности управляющего Шадурских занявшийся ростовщичеством. Подросшую Машу Амалья продает в содержанки сводному брату Владимиру (законному сыну Шадурских), который потом жестоко избавляется от надоевшей ему девушки. Второй «лишний ребенок», Иван, подвергается всяческим притеснениям и издевательствам со стороны выжившего из ума и помешанного на идее разбогатеть отца.

Маша и Иван случайно встречаются, плутая по Петербургу, но, не зная, что они так сильно связаны с друг другом, расходятся. Маша скатывается на самое дно, попадает в публичный дом, где скоро умирает от чахотки. Иван неожиданно становится богатым – его отец, который всю жизнь скупал векселя Шадурских, чтобы «пустить их по миру», умирает, оставляя сыну большое состояние и принуждая дать клятву наказать обидевших его князей. Но хитрая и безжалостная княгиня Шадурская даром вытягивает от внебрачного сына векселя, убеждая его, что всегда его любила и хотела найти. После получения векселей «чудесно найденный» сын оказывается ненужным «любящей матери». Иван от отчаяния накладывает на себя руки, и как самоубийцу его хоронят не на человеческом кладбище, а на том же кладбище, на котором находится могила собаки его матери: «Для исторической полноты мы могли бы прибавить, что некогда на этом самом “показанном месте“ была погребена дивная левретка Лесли, любимая собачка покойной княгини Татьяны Львовны Шадурской, по которой она долго плакала и которой воздвигла даже приличный мавзолей. А в нескольких саженях от этого самого мавзолея плешивый бугорок скрыл под собою простреленное тело ее сына, Ивана Вересова. Над ним никто не поставил мавзолея, и никто не заплакал, потому что никому не было дела ни до его жизни, ни до его смерти», – грустно-иронично описывает эту картину Крестовский [8, 672].

В романе Крестовского на первый план выходят злободневные социальные вопросы. Не без причины Н. С. Лесков назвал произведение «самим социалистическим русским романом». Сквозь призму трагических судеб внебрачных «лишних детей» Шадурских – Маши и Ивана – показана вся порочность существовавшей в России 1860-х годов социальной системы, основанной на неравенстве, корысти, жесткости. Необходимо добавить, что, кроме Маши и Ивана, в «Петербургских трущобах» описаны судьбы еще нескольких детских персонажей, а совершаемое над ними насилие имеет, как дает нам понять автор, вполне

организованный характер. В одной из глав речь идет о брошенных родителями лишними детьми, которых сперва нарочно калечат и уродуют, а потом ради наживы посылают на паперть собирать милостыню. «Все эти мальчишки и девчонки, еще с пелен обреченные на подобную жизнь, являются будущими жертвами порока и преступления; это – либо будущие кандидаты в тюрьму и на каторгу, либо добыча разврата, который застигает их очень рано, если еще раньше разврата не застигнет их смерть», – неутешительно констатирует рассказчик. В публичном доме, куда попадает Маша, клиенты могут купить малолетних девочек, участвуя в своеобразном «аукционе невинности». «“Сюжет“ подобного торжества составляет молодая непорочная девушка. <...> Занумерованные билетки имеют назначение служить входной маркой на торжественный праздник. Недели за две, а иногда за три до вожделенного дня тетенька вместе с экономкой старается распахать возможно большее количество марок наиболее близким знакомым из своих привычных посетителей. Эти, в свою очередь, совершенно доброхотно помогают ей, навязывая полученные билеты разным своим приятелям, а те своим и т. д. Все это производится, конечно, негласным и конфиденциальным порядком. Главнейшим же образом тетенька всегда старается действовать самолично, ибо в этом заключается её прямой интерес, так как входные марки раздаются не безвозмездно: для каждой из них, по усмотрению тетеньки, назначается особая цена, смотря по средствам получателя, от десяти до двадцати пяти рублей серебром, причем тетенька, конечно, прилагает все свои старания для того, чтобы выторговать себе возможно большую сумму. И ни одна из старожилок этой категории не запомнит ещё случая, чтобы оказался недостаток в любителях подобных лотерей» [8, 528].

Тема «лишнего ребенка» появляется также в творчестве Владимира Галактионовича Короленко («Дети подземелья», 1885) и Леонида Андреева («Петька на даче», 1899).

Как это ни странно, ни один из литературных персонажей, считавшихся образцовыми «лишними людьми» (Евгений Онегин, Григорий Александрович Печорин, Бельтов, Илья Ильич Обломов, Евгений Базаров, Дмитрий Рудин) не был в детстве лишним ребенком. О детстве Печорина и Рудина ничего в романах не говорится, а Онегин, Бельтов, Базаров были, скорее, окружены родительской лаской и заботой.

Социальные факторы выходят на первый план и в произведениях польских авторов того времени, связанных с литературным направлением, получившим в польском

литературоведении название «позитивизм». В популярном рассказе Болеслава Пруса (настоящая фамилия: Александер Гловацкий, 1847–1912) «Антек» (польск. *Antek*, 1880) главным персонажем является деревенский мальчик Антек (Антони). Отец ребенка умер ещё до его рождения, и Антек вместе с матерью, братом Войтеком и сестрой Розалькой живут в небольшом селе в Королевстве Польском. Уже пятилетним ребенком Антек должен тяжело работать в поле и пасти свиней. Мальчик является талантливым скульптором, умеет делать деревянные игрушки, но из-за своего увлечения нередко пренебрегает своими обязанностями по хозяйству, чем вызывает гнев матери, считавшей его ленивым, никчемным паразитом, который незаслуженно есть её хлеб:

«Нередко мать, видя, что девочка хоть и меньше, а умнее и старательнее Антека, жаловалась старому куму Анджею, ломая руки:

– Что мне, несчастной, делать с выродком этим? И дома от него никакой помощи нет, и за скотиной он не смотрит, а все только палочки свои стругает, словно порченый какой. Не бывать ему, видно, не то что хозяином, но и батраком, так и останется дармоедом людям на смех, Богу на грех» [19].

Но судьба Антека – не понятого ни матерью, ни деревенскими соседями лишнего ребенка – намного лучше печальной участи его сестры: заболевшую простудой Розальку по совету знахарки закрывают в раскаленной печи, чтобы «выкурить из нее хворь». Несчастливая девочка умирает от тяжелых ожогов. Антеку же удается пережить тяжелое детство, и, став юношей, он отправляется в город в поисках счастья. Окончание рассказа остается открытым.

Очень похожую историю одаренного, но непятого родителями и окружением деревенского ребенка рисует и Генрих Сенкевич (1846–1916) в повести «Янко-музыкант» (польск. *Janko Muzykant*, 1879). Главным героем Сенкевича является маленький Янко (Ян), сын убогой крестьянки из Королевства Польского. Вполне возможно, что Янко – внебрачный ребенок, так как в повести ничего не говорится об отце мальчика. Янко уже с раннего детства был не такой, как его сверстники. Он пренебрегал своими обязанностями по уходу за животными и интересовался только музыкой. В свободное время мальчик сам сделал себе деревянную скрипку, посещал деревенские свадьбы, на которых мог послушать музыку. За свое увлечение скрипкой Янко неоднократно подвергался физическим наказаниям от матери и жителей деревни:

«Не известно, как это вышло, только к одному была у него большая охота: это – к музыке, – пишет Сенкевич. – Везде он слышал

её, и как только чуть подрос, так уж о другом и не думал. Пойдёт, бывало, в лес за скотиной или с корзиной за ягодами, но только вернётся без ягод и скажет, картавя:

– Мамка, так в лесу что-то играло... ой, ой!

А мамка ему:

– Я вот тебе поиграю! Узнаешь ты меня...

И задаст ему музыку половником. Малый кричал, обещался, что больше не будет, а сам всё думал, что там в лесу что-то играло...» [21].

В один день ребенок решил прокрасться в дом местного помещика, так как знал, что у того хранится настоящая скрипка, на которой он хотел поиграть. Пойманный слугами барина несчастный мальчик был жестоко выпорот и скончался в результате травм и ударов. Так закончилась жизнь маленького музыкального гения, лишнего деревенского ребенка.

Также и один из героев романа польского писателя Стефана Жеромского (1864–1925) «Сизифов труд» (польск. *Szyfowe prace*, 1897), Анджей Радек, в детстве был таким странным «лишним ребенком». Происходя из бедной крестьянской семьи, Радек стремился к знаниям. Свои обязанности в поле выполнял крайне небрежно и плохо, за что неоднократно подвергался наказаниям со стороны не понимавших его родителей, а под влиянием губернатора из барского дома начал учиться. Анджей представляет собой положительный пример «лишнего ребенка» – благодаря трудолюбию и терпению герой смог самостоятельно подготовиться к школьным экзаменам и уехать в город Кельце (в романе: Клериков), где, несмотря на порой жестокие издевательства со стороны школьных товарищей, презиравших деревенского парня, смог с отличием закончить гимназию и поступить в университет в Варшаве. Дальнейшая судьба героя остается открытой.

В русской литературе на новый уровень осмысления типа «лишнего ребенка» вышел Максим Горький (настоящая фамилия: Алексей Максимович Пешков, 1863–1936). Для него данная тема была по большей части автобиографической. Писатель в раннем детстве потерял отца и воспитывался в доме деда по матери, Василия Каширина, где оказался абсолютно ненужным (у Каширина были другие сыновья, которые боялись, что племянник тоже будет претендентом на наследство, а суровый и скупой дедушка строго наказывал маленького внука). Единственным близким человеком стала для будущего писателя его бабушка Акулина, защищавшая Алексея от мужа. Тем не менее, уже с 11 лет Горький вынужден был зарабатывать – идти «в люди»: работал «мальчиком» при магазине,

буфетным посудником на пароходе, пекарем, учился в иконописной мастерской. Отсутствие формального образования не помешало талантливому мальчику стать впоследствии писателем. Воспоминания своего детства и юности Горький описал в трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты» (1913–1923), вводя в русскую литературу «босаяцкую» тему. Горький развивает литературную традицию глорификации сообразительных и закаленных жизнью беспризорных «лишних детей». Данную тему первым ввел в литературу американский писатель Марк Твен (1835–1910), опубликовавший авантюрный роман для молодежи «Приключения Гекльберри Финна» (1885). Главный герой романа – Гекльберри (Гек) – 13-летний сын бездомного пьяницы, который растёт беспризорником и оборванцем, курит и бродяжничает, но при этом никогда не унывает, очень смелый и креативный, борется с разными трудностями жизни.

После Октябрьской революции и кровопролитной гражданской войны проблема «босаячества» в СССР зазвучала с новой силой и в невиданных ранее масштабах – в стране появляется множество малолетних беспризорников, осиротевших или брошенных на произвол судьбы уехавшими в эмиграцию родителями. Многие из них от голода и безвыходности становятся на путь преступления. Теме социализации и перевоспитания в советском, социалистическом духе послевоенных лишних детей посвящены две широко известных книги советских авторов – «Педагогическая поэма» и «Республика ШКИД».

«Педагогическая поэма» (1935) советского педагога Антона Семеновича Макаренко (1888–1939) содержит художественно-документальное описание существовавшей в 1920–1928 гг. колонии им. Горького, где на принципах коллективизма и на основе общего труда удавалось успешно возвращать в жизнь малолетних преступников и правонарушителей. Хотя А. С. Макаренко действительно мог похвастаться некоторыми успехами в ресоциализации беспризорников, в более позднее время сам способ перевоспитания подвергался суровой критике как слишком жестокий: в возглавляемой им колонии педагоги старались сломить личность ребенка, боролись со всеми проявлениями индивидуализма и независимости, вели открытую социалистическую пропаганду, некоторые воспитанники были доведены учителями до самоубийства. В романе подробно описан случай ученика, который, не получив от коллектива согласия на брак с дочерью кулака, повесился. Ещё во время существования колонии, педагог критиковался народным комиссаром просвещения Н. К. Крупской и писателем Максимом Горьким.

Немного более светлой на фоне «Педагогической поэмы» выглядит автобиографическая повесть «Республика ШКИД» (1927), написанная двумя выпускниками Школы социально-трудового воспитания им. Достоевского (ШКИД), Григорием Георгиевичем Белых (1906–1938) и Леонидом Пантелеевым (настоящая фамилия: А. И. Еремеев, 1908–1987). В ШКИД-е тоже действовала система ученического самоуправления, но она не была так жесткой, как в колонии им. Горького, а благодаря мудрому директору, называемому воспитанниками Викниксор, в школе не происходило таких самосудов, как в учреждении Макаренко.

В Польше, где после первой мировой войны тоже возникла (хоть и не в таких размерах, как в СССР) проблема осиротевших «лишних детей», педагогическую систему, похожую на систему Макаренко по перевоспитанию малолетних преступников, вел известный педагог Януш Корчак (настоящая фамилия: Эршь Генрих Гольдшмит, 1878–1942). Система Корчака была основана на коллективизме, педагог вводил в руководимой им школе принципы ученического самоуправления. Дети могли вершить свой суд над ровесниками, и его результаты признавались педагогами. Свой педагогический опыт Корчак описывал в многочисленных произведениях («Дети улицы» (польск. *Dzieci ulicy*, 1901), «Дитя гостиной» (польск. *Dziecko salonu*, 1904–1905)). Самым известным сочинением Корчака считается «Король Матиус Первый» (польск. *Król Maciuś Pierwszy*, 1923), в сказочно-фантастической форме рассказывающий о судьбе «лишнего ребенка» на троне: осиротевший Матиус становится марионеткой в руках хитрых и коррумпированных министров, а в результате отсутствия информации ввязывается в войну, которую проигрывает и в результате которой погибает. Здесь ясно вырисовывается типологическая параллель (ведь упомянутый ранее роман Вс. Соловьева не переводился на иные языки и был забыт после 1917 года) между Матиусом Я. Корчака и Петром Вторым в трактовке Вс. С. Соловьева (хотя первый из них – персонаж фантастический, а второй – исторический, оба они лишние дети на престоле, оба пали жертвой интриг и заговоров и, наконец, оба трагически погибли).

Хотя концепции ученического самоуправления и детского суда Януша Корчака в современной педагогике практически не используются, Корчак, называемый своими учениками Старым Доктором, из-за своей героической смерти (в годы Второй мировой войны и фашистской оккупации Польши отказался от предлагаемой немецким руководством свободы и предпочел погибнуть вместе со своими воспитанниками в концлагере в Трешлинке), считается образцом педагога высоких моральных идеалов.

Очень интересно образ «лишнего ребенка» описан в межвоенном романе «Граница» (польск. *Granica*, 1935) польской писательницы Зофии Налковской (1884–1954). Если приглядеться, на самом деле можно там говорить о двух поколениях «лишних детей» – одна из главных героинь произведения, аристократка Эльжбета Бецкая, в детстве была «лишним ребенком», воспитывалась у дальних родственников, так как мать-актриса была слишком занята своей артистической карьерой, чтобы думать о дочери. Бецкая с детства ненавидела свою мать и, во что бы то ни стало, не хотела быть на неё похожей, но, как это ни парадоксально, в своей взрослой жизни в точности повторила её поведение. Когда любимый муж Эльжбеты, Зенон Зембевич, совершил самоубийство, героиня тотчас же бросила собственного – будто бы любимого – ребенка на попечение родных и уехала. Как видим, в романе Налковской вчерашний «лишний ребенок» оказывается психически не в состоянии по-настоящему полюбить своего собственного ребенка, тоже делая его «лишним». Неслучайно писательница сперва хотела назвать свой роман «Схемы», чтобы подчеркнуть то влияние, какое оказывает на людей поведение их родителей.

В послевоенной литературе, как в СССР, так и в ПНР (Польской народной республике, зависимом от Советского союза польском государстве, созданном после Второй мировой войны) активно появляются типы «лишних детей», хотя всё чаще они показываются не как брошенные или не принятые собственной семьей, а как не принятые сверстниками, школьным коллективом. Это было связано с распространением социалистической идеологии, предусматривавшей, что каждый человек является лишь винтиком в общественной машине и должен вливаться в коллектив. Главный конфликт происходит уже не на линии «ребенок – родители», а на линии «лишний ребенок – другие дети». В данных произведениях часто появляется тема так называемого буллинга – преследования выделяющегося ребенка группой сверстников [7]. Этим новым термином педагоги назвали известное испокон веку явление школьной травли и детской жестокости по отношению к слабому [5; 34].

В советской литературе таким произведением является популярнейшая драматическая повесть Анатолия Георгиевича Алексина «Безумная Евдокия» (1976). Главная героиня произведения – ученица девятого класса Оля, единственная и горячо любимая дочь своих родителей. Оля обладает художественным талантом и параллельно с обычной школой учится ещё и в художественной. Из-за обилия занятий девочка часто пренебрегает школьными

обязанностями, увиливает от дежурств и вступает в конфликт и с классным руководителем, Евдокией Савельевной, и со своим классом. Родители же всячески потакают эгоизму Оли и исполняют все её капризы. Произведение Алексина сразу после публикации вызвало сильную критику – многие обращали внимание на факт, что не только антиобщественное поведение Оли неправильно, неправа была также и Евдокия Савельевна, настраивавшая других учеников против «слишком независимой» девочки.

Но возможен и иной подход к интерпретации этого произведения: образ девочки-эгоистки используется как прикрытие для обличения учительницы, тем более что в начале повести автор упоминает о том, что она всячески превозносила пролетариев, и глумилась над интеллигенцией. А такое довольно часто происходило в советской школе. В открытую писать на эту тему было нельзя, отсюда и название «Безумная Евдокия», а отнюдь не «Эгоистка Оленька».

О преследованиях и издевательствах класса по отношению к выделяющемуся ребенку речь идет в книге «Чучело» (1981) Владимира Карповича Железнякова (1925–2015), на основании которой в 1983 г. Ролан Быков снял одноименный фильм. Главная героиня, Лена Бессольцева – новая ученица школы, живущая с полупомешанным дедушкой-коллекционером. Хотя одноклассники в открытую издеваются над ней и называют «чучелом», Лена старается не обращать на это внимания и лишь улыбается в ответ. Ситуация усугубляется, когда Лена приняла на себя вину школьного товарища, Димы Сомова, и за этого весь класс объявил ей бойкот. К бойкоту по отношению к «лишнему ребенку» присоединяется и струсивший Дима. В конце романа Лена вместе с дедушкой покидает город, а её бывшие одноклассники осознают свою вину перед ней. Произведение Железнякова и в особенности снятый на его основании фильм Быкова вызвали в СССР бурные споры, многие требовали его запретить, так как он будто бы «позорил честь советских детей». По воспоминаниям одного из авторов этой статьи, выросшего в СССР и прошедшего свои школьные годы в провинциальном городке, его первая учительница, периодически организовывавшая акты буллинга по отношению к тем ученикам, что, по её мнению, не вписывались в жёсткие советские стандарты, посвятила целый классный час «анализу» фильма «Чучело», доказывая, что «такого не может быть, потому что не может быть» среди советских детей. Но правда всё равно прорывалась наружу.

Типаж отвергнутого и преследуемого сверстниками «лишнего ребенка» появляется и в польской молодежной литературе

послевоенного периода. Особенно много писал на эту тему знаток молодежной психологии Эдмунд Низюрский (1925–2013). В его рассказах «Толстяк» (польск. *Grubas*, 1954) и «Трех танкистов с половиной» (польск. *Trzech pancernych i pół*, 1970) показал, как класс издевается над выделявшимся из группы сверстником. В рассказе «Толстяк» объектом насмешек становится толстый и неуклюжий подросток. Рассказ написан от лица одного из мучителей. «Nie przeszkadzało nam to zresztą bynajmniej tresować grubasa. Jak mogło być inaczej? Już sam jego wygląd prowokował do tego» [13, 44]¹, – объясняет он свое поведение. Несчастный толстый ребенок все время мечтает о том, чтобы присоединиться к группе издевавшихся над ним и дразнивших его сверстников. Жестокие одноклассники наконец предлагают толстяку, что если он пройдет по узкому оконному карнизу, то его примут в свою банду, в своем цинизме они не ожидают, что он действительно попытается это сделать. Подросток падает с большой высоты и расшибается насмерть, а его преследователи только тогда узнают, что их школьный товарищ был толстым не из-за лени, а из-за тяжелой формы диабета, и чувствуют сильнейшие угрызения совести, но уже слишком поздно, чтобы что-нибудь исправить.

С подобной ситуацией сталкиваемся и в рассказе «Три танкиста с половиной» – группа школьников и лишний ребенок Питулка, который так хочет присоединиться к группе, что берет на себя чужую вину. Окончание рассказа оказывается печальным, но не таким трагическим, как в «Толстяке».

В одном из более популярных романов Низюрского, «Седьмое посвящение» (польск. *Siódme wtajemniczenie*, 1969), рассказ ведется уже не от лица одного из мучителей, а от самого «лишнего ребенка». После переезда родителей в Силезию Густав Цикож приходит в новую школу. Оказывается, что там борются между собой две ученических банды – Матусов и Блокеров. «Boisko zajęte było przez chłopaków z siódmej A., – рассказывает герой. – Należeli oni wszyscy do bractwa Matusów, a ja wolałem omijać ich z daleka, bo ile razy wlałem im pod rękę, zawsze dawali mi wycisk. Rzecz w tym, że ja chodziłem do szóstej B i uważali mnie za Blokera, a między Matusami i Blokeraми panował stan nieustannej wojny» [14, 10]². Сам мальчик сперва не хочет

---

¹ «Это нам отнюдь не мешало дрессировать толстяка. Как же могло быть иначе? Сами понимаете. Уже один его внешний вид побуждал нас к этому» [пер. авт.].

² «Стадион был занят парнями из седьмого А. Они все принадлежали к группировке Матусов и я предпочитал держаться от них на расстоянии, так как во всякий раз, когда я попадал им под руку, получал от них по башке. Дело в том, что я ходил в шестой Б,

присоединятся ни к тем, ни к другим и пробует лавировать между ними, но под влиянием постоянных жестоких издевательств и насмешек со стороны и тех, и других, а также следуя совету одного из школьных товарищей, Лоло решается, наконец записаться в одну из группировок.

«Zapisz się na razie do Blokerów – odparł spokojnie Lolo.

– Coś ty, do tych drani?

– No to do Matusów. Najważniejsze, żebyś przystąpił. Wszystko jedno, do kogo. Inaczej się wykończysz. Tu w pojedynkę nie dasz rady...» [14, 14]¹.

На пути к признанию сверстниками Цикожу надо пройти через ряд жестоких испытаний и все семь стадий посвящения в подростковую банду.

Мотив «лишнего ребенка» появляется также и в романе Адама Бахдая (1918–1985) «Голосую за Толека Банана» (польск. *Stawiam na Tolka Banana*, 1967), где изображены судьбы группы подростков. В группу входят почти одни «лишние дети» – Юлек, мальчик из богатой семьи, родители которого слишком заняты своей карьерой, чтобы обращать внимание на сына, Кариока, воспитываемая вечно занятой матерью-одиночкой, Филипкок – сын алкоголика, многократно привлекавшийся к наказанию за мелкие кражи...

Непонимание детей со стороны родителей очень удачно показывает диалог Юлека с матерью, считавшей, что если его материальные потребности обеспечены, у него не должно быть никаких причин для недовольства:

«Pani Seratowiczowa rozłożyła szeroko ręce.

–Luluniu, widzę, że się nie rozumiemy. Masz takie dobre warunki. Ojciec przysłał ci najdroższe rzeczy, a ty stale chodzisz skwaszony. Czego ci jeszcze potrzeba?

Chłopiec cmoknął zniecierpliwiony.

–Właśnie! Niczego mi nie brak, a mama mnie nie rozumie.

–Może zaprowadzić cię do psychiatry? Pani doktor Sękocińska mówiła, że zna świetnego specjalistę» [1, 8].²

и они считали меня Блокером, а между Матусами и Блокерами все время было военное положение» [пер. авт.].

¹«– Запишись сперва к Блокерам. – сказал спокойно Лоло.

– Что, к этим подлецам?

– Тогда к Матусам. Главное, чтобы ты к кому-нибудь присоединился. Все равно, к кому. В противном случае не выдержишь. Здесь в одиночку не справишься...» [пер. авт.].

² «Пани Сератович широко раскрыла ладони.

В детском коллективе Юлек, Кариока, Филиппок и другие «лишние дети» ищут признания, дружбы, но обычно только ссорятся между собой, мечтая о приключениях. Все меняется, когда в группу приходит таинственный молодой человек, выдававший себя за находящегося в розыске дерзкого преступника Толека Банана, но на самом деле оказавшийся пионервожатым, старающимся перевоспитать трудных подростков и вернуть их в общество.

В современной литературе, в которой внимание автора часто сосредоточивается на личных, индивидуальных чертах детей, можно найти много воплощений типа «лишнего ребенка» [18]. В автобиографическом романе «Похороните меня за плинтусом» (1994) Павла Владимировича Санаева (род. 1969) рассказ ведется от лица девятилетнего Саши, воспитывавшегося полусумасшедшей бабушкой Ниной Антоновной и забитым дедушкой, находящимся под полным контролем своей агрессивной и импульсивной жены. Бабушка горячо ненавидит свою дочь Елену, мать Саши, и её второго мужа, дядю Толю, которого называет «карликом-кровопийцем» и обвиняет во всевозможных грехах. Она считает, что Елена не заслуживает того, чтобы самостоятельно воспитывать сына. Саше же Нина Антоновна говорит, что мать его бросила и только она его истинно любит. Сам маленький Саша чувствует себя «лишним ребенком». «Мама променяла меня на карлика-кровопийцу и повесила на бабушкину шею тяжкой крестягой. Так я с четырёх лет и вишу» [20, 5], – говорит он о себе. Любовь бабушки к внуку на самом деле произрастает лишь только из ее эгоизма – Нина Антоновна желает чувствовать себя нужной, хочет иметь кого-то, кто полностью бы от неё зависел, кого могла бы опекать и наказывать одновременно. Во втором томе «Похороните меня за плинтусом», «Хроники Раздолбая» (2013) акцент делается на процесс нравственного созревания молодого человека, мотив «лишнего ребенка» уже не так ярко выражен.

«Лишним ребенком» можно назвать также Таню Куделину, героиню романа Алексея Викторовича Иванова (род. 1969) «Ненастье» (2015) [12]. Таня знает про себя, что она как второй ребенок нужна была родителям только для получения квартиры. Старшая сестра Тани

– Люлось, вижу, что мы не понимаем друг друга. У тебя такие хорошие условия. Отец присылает тебе самые дорогие вещи, а ты все время ходишь хмурый. Чего тебе ещё надо?

Мальчик чмокнул в раздражении.

–Именно! Мне ничего не надо, а ты, мама, меня не понимаешь.

–Может быть, записать тебя на прием к психиатру? Докторша Сенкоцинская говорила, что она знает отличного специалиста» [пер. авт].

была всегда любимицей отца и матери, а младшей они помыкали, велели ей копать огород, убирать квартиру. Когда сестра поступила в институт, Таню отдали в ПТУ учиться на парикмахера. Уроки «лишняя девочка» ходила делать у отца на работе. После неудачной попытки сбежать из дому Таня не могла больше жить с родителями, называвших её «проституткой». В возрасте 15 лет она ушла из дому и стала любовницей предводителя группы ветеранов Афганистана, Сергея Лихолетова, а потом, брошенная Лихолетовым, стала гражданской женой друга Сергея, Германа Неволлина. Бывший лишний и нелюбимый ребенок Татьяна нежна и легко ранима. Ей всегда хотелось иметь то, чего была лишена в детстве, – любящую семью. Жизненной трагедией обернулась для неё невозможность иметь детей из-за неудачного аборта после расставания с Лихолетовым. Хотя Неволлин очень любил Таню – ради неё решил на преступление, но он не разбирался в тонкостях психологии, не знал, как ей помочь. В данном случае автором показано, как «лишний ребенок» становится взрослым «лишним человеком», а вдобавок и женой другого «лишнего человека», Германа Неволлина.

В последнее время мы сталкиваемся с очень интересной тенденцией – типаж «лишнего ребенка», известный больше по социально-психологической и молодежной литературе все чаще и чаще появляется в детективной прозе. Особой популярностью пользуются переведенные на ряд языков детективы шведской писательницы Камили Лэкберг, где тема «лишнего ребенка» очень часто становится основой интриги. Так, в романе Лэкберг «Вкус пепла» (2005) действие разворачивается вокруг жестокого убийства семилетней девочки, а полицейское расследование показывает, что ребенок был жертвой семейного насилия. Параллельно главной интриге показана история живущей в 1920-х годах Агнес, убившей мужа и двоих детей, а потом издевавшейся над приемной дочерью, бабушкой убитой впоследствии девочки. Нетрудно догадаться, что это давешний «лишний ребенок» убил нового «лишнего ребенка» – свою внучку.

В романе «Письма от русалки» (2007) полиция расследует убийства трех друзей детства. Убийцей оказывается их школьный товарищ, мстивший им за жестокое изнасилование своей умственно отсталой сестры. Необходимо добавить, что тот же убийца и был причиной болезни сестры – после её рождения стал в доме «лишним ребенком» и из зависти пробовал утопить соперницу в ванной. Но его попытка убийства привела не к смерти, а лишь к умственному недоразвитию сестры вследствие гипоксии мозга.

Впоследствии типаж «лишнего ребенка» появился в русской (Александра Маринина, «Чувство льда», 2006) и в польской (Катажина Бонда, «Флористка», польск. *Florystka*, 2012) детективной литературе.

У А. Марининой главный персонаж – давешний «лишний ребенок», в зрелом возрасте желающий отомстить людям, которые когда-то испортили ему детство: посадили его отца в тюрьму и привели мать к смерти, а у Бонды действие разворачивается вокруг убийства девятилетней девочки, которая, как оказывается во время расследования, была в доме лишней – мать бросила её и ушла к другому мужчине, отец не занимался ничем, кроме азартной игры, а дедушка с бабушкой корили каждым куском хлеба...

Появление типа «лишнего ребенка» в детективной прозе хорошо показывает, как некие типаж и мотивы, выработанные высокой литературой, постепенно становятся материалом для литературы массовой, популярной.

***

Проведенный нами обзор трактовки типажа «лишнего ребенка» в русской и польской литературе показал, что он становится очень популярным начиная с половины XIX века, хотя отдельные отнесения к теме заметны уже в древнерусской литературе (Житие Феодосия Печерского, переписка Ивана Грозного с князем-эмигрантом Андреем Курбским). Огромное влияние на формирование данного типа оказали произведения Ч. Диккенса и Г. Х. Андерсена, в которых часто появляется мотив отвергнутого родителями ребенка. Заметим, что история «лишнего ребенка» имеет несколько вариантов развития – или он погибнет, или переживет детство и становится взрослым, или рассказ о нем остается открытым. А если «лишний ребенок» повзрослеет, перед ним тоже появляются несколько возможных путей – либо стать полноценным взрослым, либо превратиться в психически больного, сломленного «лишнего человека», либо стать злодеем, преступником.

К общим чертам «лишнего ребенка» XIX века как в русской, так и в польской литературе данного периода относятся покинутость родителями («лишний ребенок» это внебрачный ребенок, сирота или ребенок матери-одиночки), непонимание со стороны окружающих (которые не в состоянии увидеть их талант), постоянные встречи со злыми людьми (желающими разбогатеть за их счет). Истории о «лишнем ребенке» данного периода чаще всего заканчиваются трагически – смертью протагониста.

Среди рассматриваемых произведений исключение составили только «Подросток» Ф. М. Достоевского, «Антеки» Б. Пруса и «Сизифов труд» С. Жеромского. Но если русские авторы XIX века

(Ф. М. Достоевский, В. В. Крестовский, Вс. С. Соловьев) обращают внимание прежде всего на судьбу брошенного ребенка как такового, то есть «лишнего ребенка» вообще, польские писатели (Б. Прус, Г. Сенкевич, С. Жеромский) разрабатывают тему особо одаренного ребенка, который в той среде, куда попадает, не имеет возможностей для дальнейшего развития. Такую перспективу можно объяснить тем, что в условиях отсутствия национальной независимости польские авторы считали главной своей целью способствовать консолидации разных слоев польского общества и развития ими польской культуры. Потеря одного маленького «деревенского гения» понималась ими как потеря для всей польской культуры.

Следующий этап развития типажа «лишнего ребенка» связан с межвоенным периодом. Так, в СССР, как и в Польше, после Первой мировой войны появилось много осиротевших детей, которые нередко становились малолетними преступниками. Для борьбы с беспризорностью детей были созданы многочисленные учреждения, имеющие целью перевоспитание и ресоциализацию «лишних детей». Особый акцент делается на их интеграцию с коллективом, включение в общество, даже насильственное. Авторами таких коллективных теории перевоспитания были А. С. Макаренко (СССР) и Я. Корчак (Польша). Оба они были практиками: много лет работали в колониях для трудной молодежи, а впоследствии описали свой педагогический опыт ресоциализации лишних детей в художественных произведениях. Как в советской, так и в польской в литературе 20-30-х годов XX века очень много пропаганды.

Ситуация начинает меняться после Второй мировой войны, в 60-70-е годы. И в СССР, и в ПНР внимание начинает акцентироваться на том, что детский коллектив отнюдь не всегда является чем-то хорошим, и дети, особенно в группе, способны на жестокие насмешки и издевательства по отношению к физически или психологически отличавшимся от них сверстникам, лишним детям. Ненужность ребенка начинает определяться не его отношениями с родителями, а отношениями с другими детьми. На эту тему особенно писали Э. Низюрский (Польша) и В. К. Железняков (СССР).

В современной литературе после распада СССР и политико-экономических преобразований как в России, так и в Польше, появились произведения, в которых «лишние дети» – дети лишних родителей, не умевших приспособиться к условиям меняющегося мира и переносящих свои проблемы и фрустрации на своих детей (П. В. Санаев «Похороните меня под плинтусом», А. В. Иванов,

«Ненастье»). В последнее время тема лишнего ребенка переключалась также в популярную и детективную литературу.

Как бы то ни было, проведенный нами анализ доказал, что типаж «лишнего ребенка» существует в литературе разных периодов и стран и введение данного термина в литературоведческий обиход позволяет расширить исследовательские перспективы, поможет также увидеть некоторые педагогико-общественные тенденции (возникновение интереса к ребенку как к личности, теории ресоциализации и перевоспитания, включения в коллектив).

Литература

1. Bahdaj A. Stawiam na Tolka Banana. Warszawa: Świat Książki, 1996. 244 s.
2. Достоевский Ф. М. Неточка Незванова // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Ленинград: Наука, 1972. С. 142–268.
3. Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. Ленинград: Наука, 1975. 458 с.
4. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. Ленинград: Наука, 1972. С. 169–443.
5. Гришина Т. Г., Нестерова А. А. Влияние семейных факторов на поведение ребенка в ситуации школьной травли: основные векторы работы с семьей // Социальная работа в области защиты детей в России и Германии: современное состояние и перспективы развития. Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. в рамках III Международного фестиваля науки. Ред. Н. М. Комарова, Т. Ф. Сулова. Москва: Москов. гос. обл. ун-тет, 2019. С. 34–39.
6. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). Москва: Художественная литература, 1969. С. 92–145.
7. Конева Е. В., Солондаев В. К., Пелевина А. А. «Неуставные отношения» в учебных коллективах // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. №2(40). С. 95–100.
8. Крестовский В. В. Петербургские трущобы: роман. Кн. 2. М.: ЭКСМО. 1994. 1365 с.
9. Никольский Е. В., Вальчак Д. Тип «лишнего человека» в русской и польской литературах („zbędny człowiek” vs. „bohater werterowski”) // Libri Magistri. 2019. № 3 (9). С. 93–123.

10. Никольский Е. В., Лю И. Интерпретация «лишнего человека» в русской и китайской литературах: опыт сопоставительного анализа // Libri Magistri. 2019. № 2 (8). С. 85–113.

11. Никольский Е. В. Образ «лишнего человека» в контексте проблематики романа Орхана Памука «Снег» [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis. 2016. №3. С. 16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27185168> (дата обращения: 03.09.2019).

12. Никольский Е. В. Проблема «лишнего человека» в романе Алексея Иванова «Ненастье» // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст материалы XXI междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 272–282.

13. Niziurski E. Grubas // Niziurski E. Trzynasty występ. Opowiadania. Warszawa: Wydawnictwo Harcerskie „Horyzonty”, 1976. S. 41–69.

14. Niziurski E. Siódme wtajemniczenie. Kraków: Wydawnictwo „Zielona Sowa”, 2002. 261 s.

15. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / ред. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Москва: Наука, 1981. С. 122–163.

16. Plotz J. Literary Ways of Killing a Child. The 19th Century Practise // Aspects and Issues in the History of Childrens Literature. Ed. M. Nikolajeva, London: Greenwood Press, 1995. Pp. 1–27.

17. Помяловский Н. Г. Очерки бурсы // Помяловский Н. Г. Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург: Ю. Н. Эглих, 1902. С. 301–472.

18. Пронина Н. А. Образ лишнего человека в художественной литературе XXI века [Электронный ресурс] // Филологический аспект. №1 (45). Январь 2019 URL: <http://scipress.ru/philology/articles/obraz-lishnego-cheloveka-v-khudozhestvennoj-literature-xxi-veka.html> (дата обращения: 12.09.2019).

19. Прус Б. Антек // Прус Б. Сочинения: в 7 т. Т. 1. Пер. Е. Живовой. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 495 с.

20. Санаев П. В. Похороните меня за плинтусом. Москва: AST, 2015. 286 с.

21. Сенкевич Г. Повести и рассказы. Москва: Редакция журнала «Русская мысль», 1893. 451 с.

22. Соловьев Вс. С. Пансион // Соловьев Вс. С. Новые рассказы. Санкт-Петербург: Тип. Н. А. Лебедева, 1892. 376 с.

23. Соловьев Вс. С. Юный император: О Петре II: роман. Москва: Эврика, 1993. 299 с.
24. Толчинская Л. В. Влияние отношения матери к ребенку в перинатальном периоде развития на социально-психологическую адаптацию в ранней юности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. №129. С. 42–46.
25. Шифельбейн Е. В. Историческое развитие замещающей семьи: отечественные и зарубежные аспекты становления // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С. 209–213.

REFERENCES

1. Bahdaj A. Stawiam na Tolka Banana [I bet on Tolek Banan]. Warszawa: Świat Książki Publ, 1996. 244 p.
2. Dostoevsky F. M. Netochka Nezvanova // Dostoevsky F. M. Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh [Complete Works in thirty volumes]. T. 1. Leningrad: Nauka Publ. 1972. Pp. 142–268.
3. Dostoyevskiy F.M. Podrostok [The Adolescent] // Dostoevsky F. M. Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh [Complete Works in thirty volumes]. T. 13. Leningrad: Nauka Publ, 1975. 458 p.
4. Dostoyevskiy F. M. Unizhennyye i oskorblennyye [Humiliated and Insulted] // Dostoevsky F. M. Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh [Complete Works in thirty volumes]. T. 3. Leningrad: Nauka Publ, 1972. Pp. 169–443.
5. Grishina T. G., Nesterova A. A. Vliyaniye semeynykh faktorov na povedeniye rebenka v situatsii shkol'noy travli: osnovnyye vektory raboty s sem'yey [The influence of family factors on the behavior of a child in a situation of school bullying: the main vectors of working with the family] // Sotsial'naya rabota v oblasti zashchity detey v Rossii i Germanii: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh III Mezhdunarodnogo festivalya nauki [Social work in the field of child protection in Russia and Germany: current status and development prospects. The collection of materials of the International scientific and practical conference in the framework of the III International festival of science]. Ed. N. M. Komarova, T.F. Suslova. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet Publ, 2019. Pp. 34–39.
6. Izbornik (Sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi) [Izbornik (Collection of works of literature of Ancient Russia)]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. Pp. 92–145.

7. Koneva Ye. V., Solodayev V. K., Pelevina A. A. «Neustavnyye otnosheniya» v uchebnykh kollektivakh [“Unsustainable relations” in training groups] // Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnyye nauki. 2017. № 2 (40). Pp. 95–100.
8. Krestovskiy V. V. Peterburskiye trushchoby: roman [Petersburg slums: a novel]. Kn. 2. Moskva: EKSMO Publ, 1994. 1365 p.
9. Nikol'skiy Ye. V., Walczak D. Zbędny człowiek” vs. “bohater Werterowski”. Type of “superfluous man” in Russian and Polish literature // Libri Magistri. 2019. № 3 (9). Pp. 93–123.
10. Nikol'skiy Ye. V., Lyu I. Interpretation of the “superfluous man” in Russian and Chinese literature: the experience of comparative analysis // Libri Magistri. 2019. № 2 (8). Pp. 85–113.
11. Nikol'skiy Ye. V. Obraz «lishnego cheloveka» v kontekste problematiki romana Orkhana Pamuka «Sneg» [The image of the “superfluous man” in the context of the problems of Orhan Pamuk’s novel “Snow”] [E'lektronny`j resurs] // Studia Humanitatis. 2016. № 3. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27185168> (accessed 03.09.2019).
12. Nikol'skiy, Ye. V. Problema «lishnego cheloveka» v romane Alekseya Ivanova «Nenast'ye» [The problem of the “superfluous man” in Alexei Ivanov's novel “Nenast'ye”] // Pushkinskiye chteniya – 2016. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst materialy XXI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Pushkin Readings – 2016. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text materials of the XXI International Scientific Conference]. Sankt-Peterburg.: LGU im. A. S. Pushkina Publ. 2016. Pp. 272–282.
13. Niziurski E. Grubas [Fatty] // Niziurski E. , Trzynasty występpek. Opowiadania [Thirteenth vice. Stories]. Warszawa: Wydawnictwo Harcerskie „Horyzonty” Publ. 1976. Pp. 41–69.
14. Niziurski E. Siódme wtajemniczenie [Seventh initiation]. Kraków: "Zielona Sowa" Publ., 2002. 261 p.
15. Pervoye poslaniye Ivana Groznogo Kurbskomu [First message of Ivan the Terrible to Kurbsky] // Perepiska Ivana Groznogo s Andreyem Kurbskim [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky]. Ed. Ya.S. Lur'ye, YU.D. Rykov. – Moskva: Nauka [Science Publ.], 1981. Pp. 122–163.
16. Plotz J. Literary Ways of Killing a Child. The 19th Century Practise // Aspects and Issues in the History of Childrens Literature. Ed. M. Nikolajeva, London: Greenwood Press Publ, 1995. Pp. 1–27.

17. Pomyalovskiy N.G. Ocherki bursy [Essays on Bursa] // N. G. Pomyalovskiy, Polnoye sobraniye sochineniy [Completed Works]. Sankt Peterburg: Yu.N. Eglikh Publ. 1902. Pp. 301–472.
18. Pronina N. A. Obraz lishnego cheloveka v khudozhestvennoy literature XXI veka [The image of an superfluous man in fiction of the XXI century] [E`lektronny`j resurs] // Filologicheskii aspekt [Philological aspect]. №1 (45) Yanvar' 2019. URL: <http://scipress.ru/philology/articles/obraz-lishnego-cheloveka-v-khudozhestvennoj-literature-xxi-veka.html> (accessed 12.09.2019).
19. Prus B. Antek // B. Prus, Sochineniya v semi tomakh [Works in seven volumes]. T. 1. Transl. Ye. Zhivovaya. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ. 1961. 495 p.
20. Sanayev P. V. Pokhoronite menya za plintusom [Bury me behind the baseboard]. Moskva: AST Publ., 2015. 286 p.
21. Senkevich G. Janko-Muzykant [Janko- The Musician] // G. Senkevich, Povesti i rasskazy [Novels and Stories]. Moskva: Redaktsiya zhurnala «Russkaya mysl'» Publ., 1893. Pp. 110.
22. Solov'yev Vs.S. Pansion [Boarding House] // Vs. S. Solov'yev, Novyye rasskazy [New novels]. Sankt-Peterburg: N. A. Lebedev Publishing, 1892. 376 p.
23. Solov'yev Vs. S. Yunyy imperator: O Petre II: roman [Young Emperor: About Peter II: Roman]. Moskva: Evrika Publ., 1993. 299 p.
24. Tolchinskaya L. V. Vliyaniye otnosheniya materi k rebenku v perinatal'nom periode razvitiya na sotsial'no-psikhologicheskuyu adaptatsiyu v ranney yunosti [Influence of mother-child relationship in the perinatal period of development on socio-psychological adaptation in early adolescence] // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena [Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen]. 2011. № 129. Pp. 42–46.
25. Shifel'beyn Ye. V. Istoricheskoye razvitiye zameshchayushchey sem'i: otechestvennyye i zarubezhnyye aspekty stanovleniya [The historical development of a foster family: domestic and foreign aspects of formation] // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii [Pedagogical education in Russia]. 2015. №6. Pp. 209–213.

"LITTLE SUPERFLUOUS MAN." TYPE "SUPERFLUOUS CHILD" IN RUSSIAN AND POLISH LITERATURE

D. Walczak

Master of History, master of Art History, master of Philology,
PhD student at the Faculty of History
University of Warsaw
(Warsaw, Poland)

E. W. Nikolsky

Doctor of Philology (Dr. hab.), Professor, doctor of theology, master of religious studies, expert of the scientific and publishing Council for the publication of the Full collection of the creation by St. Theophanes, the Recluse, Carpathian University named after Augustine Voloshin (Uzhgorod, Ukraine)

Abstract

The so-called “superfluous man”, along with the “hero of the time”, is one of the more common and recognizable types of characters in Russian literature of the 19th, 20th and 21st centuries. The characteristic features of this type include excessive sensitivity, vulnerability, excessive requirements for oneself and others, but – which seems to us the most important – the “superfluous man” is unable to build the right interpersonal relationships.

According to the authors of the article, in relation to literature, starting from the 19th century and up to the present day, it is permissible to speak not only about the “big” “superfluous man”, but also about the “small” one, that is, about the literary type of the “superfluous child”, not understood and not accepted either by parents or siblings, or neither of them. Such a hero is extremely lonely in the world, he has no point of support, he is completely deprived of the help of adults, and because of his childhood weakness, anyone can hurt or use him. It should be noted that the term “superfluous child” to refer to a child rejected by parents and / or peers has long been used in the social sciences, in particular in psychology, pedagogy and sociology.

The authors of this article made an innovative attempt to indicate the origins and evolution of the type of a “superfluous child” in two very close literatures – Russian and Polish – showing both general points and some differences in the development of this type, due to political, social and cultural reasons. The work examines the works of such authors as Fyodor Dostoevsky, Vsevolod Krestovsky, Vsevolod Solovov, Boleslaw Prus, Henryk Sienkiewicz, Anton Makarenko, Maxim Gorky, Janusz Korczak, Zofia Nałkowska, Edmund Niziurski, Pavel Sanaev and others.

Keywords: superfluous man, superfluous child, Russian literature, Polish literature, literary type, problems of socialization

Поступила в редакцию 18.11.2019